

— Дядя, не трогайте! — тут же предостерёг его Линь Сынянь, делая шаг назад и прикрывая собой картину и малыша. — У вас рука тяжёлая, ещё повредите рисунок.

Слова эти подействовали на всех в гостиной, включая самого Линь Госюна, который тут же отдернул руку, боясь ненароком причинить вред. И правда, в пылу борьбы можно было ненароком порвать тонкий лист бумаги, и тогда Линь Госюн не знал бы, как смотреть в глаза малышу, вложившему в этот рисунок столько старания.

Линь Сынянь, видя, что никто больше не пытается отобрать у него сокровище, с улыбкой направился в свою комнату, чтобы повесить картину. Но тут вмешался Линь Цзинли:

— Сынянь, я смотрю, на тебе новая одежда. Та, что я выбрал для тебя в прошлый раз, тебе не понравилась? Я что-то не видел, чтобы ты её носил.

Линь Сынянь прищурился, едва слышно скрипнув зубами. Угроза. Это была явная угроза.

Линь Цзинли, этот интриган, который даже с родными вёл себя как на поле боя, сейчас лишь на словах говорил об одежде. А на деле, скорее всего, уже прикидывал, как бы завтра, когда он отправится провожать Фэйфэя, подослать кого-нибудь и подменить картину в его комнате.

А когда он вернётся и обнаружит пропажу, Линь Цзинли, конечно же, свалит всё на какого-нибудь несуществующего временного уборщика.

Линь Сынянь слишком хорошо изучил его повадки за годы их противостояния. Если Линь Цзинли чего-то хотел, он добивался этого любыми средствами, не гнушаясь даже самых грязных трюков.

Взгляды братьев столкнулись в воздухе, и, казалось, между ними проскочили искры.

Минуту спустя Линь Сынянь отвёл взгляд. Он посмотрел на Линь Гошэна и остальных, которые неотрывно следили за ним, и понял, что его план наслаждаться шедевром в одиночестве провалился.

Но даже если ему не суждено повесить картину в своей спальне, он ни за что не позволит этому трудоголику Линь Цзинли утащить её в офис. После немой дуэли взглядов они пришли к компромиссу.

— Повесим в гостиной, — предложил Линь Цзинли.

— Хорошо, пусть будет в гостиной, — согласился Линь Сынянь.

Что ж, картина одна, а желающих — шестеро. Похоже, никому не удастся завладеть ею единолично. Гостиная так гостиная.

Все принялись сообща искать для картины лучшее место и в итоге решили повесить её у лестницы, напротив главного входа. Но тут возникла новая проблема: выбор рамы.

Перед ними выложили целую коллекцию рам из кладовой. Некоторые были настоящими антикварными произведениями искусства из ценных пород дерева. Но то Линь Гошэн считал, что рама слишком проста и недостойна рисунка его внука, то Линь Гохун возражал, что другая — слишком вычурная и будет отвлекать внимание от самого произведения.

Не подходил то стиль, то размер.

В конце концов, было решено заказать новую раму, а до тех пор, пока она не будет готова, временно оставить всё как есть.

Учитывая, что Линь Сынянь был родным отцом Фэйфэя, ему всё же предоставили одну привилегию: до изготовления новой рамы картина будет храниться у него.

Но Линь Гошэн заранее предупредил: как только они захотят полюбоваться рисунком, Линь Сынянь обязан будет немедленно его предоставить.

К счастью, Фэйфэй был ещё слишком мал и не понимал всего происходящего. Иначе такое отношение, более трепетное, чем к работам величайших мастеров, могло бы вскружить голову кому угодно, заставив поверить в свою гениальность и бесценность своего таланта. Можно было бы и впрямь возомнить себя настолько великим, что от земли оторваться и улететь.

Фэйфэй, широко раскрыв глаза, смотрел, как все восхищаются его рисунком. Он подбежал к своему маленькому рюкзачку, открыл его и, взглянув на свои карандаши, подумал: «Если всем так нравится, как я рисую, то я нарисую ещё много-много картин и подарю их всем».

Вечером Линь Сынянь позвонил Ли Сюю. Сначала он похвастался, что его Фэйфэй теперь умеет рисовать и даже нарисовал картину для всей семьи. В своём рассказе он особенно подчеркнул, как красиво и выразительно Фэйфэй изобразил его, своего отца.

В общем, по словам Линь Сыняня, уровень мастерства Фэйфэя уже был достоин персональной выставки.

— О, поздравляю, — равнодушно отозвался Ли Сюй. Он даже подумал, что Линь Сынянь от безделья на своей полу-пенсии стал каким-то скучным. Подумаешь, картина. Подумаешь, нарисовал тебя. Стоит ли из-за такой мелочи так долго распинаться?

«Да если я, великий кондитер, только кликну клич, — думал он, — ко мне тут же сбежится толпа желающих меня нарисовать».

Малыш, который был рядом с Линь Сынянем, услышал, что папа говорит с крёстным, и протянул ручки к телефону.

— Папа, Фэйфэй тоже хочет поговорить с крёстным.

— Хорошо. Я как раз рассказывал ему, какую замечательную картину ты нарисовал. Он тебя очень хвалил, — сказал Линь Сынянь, передавая телефон Фэйфэю.

Что оставалось делать Ли Сюю, услышавшему эти слова? Только искренне и от души расхваливать малыша.

Из-за неточного пересказа Линь Сыняня Ли Сюй подумал, что на картине был изображён только он один, поэтому в его похвалах нет-нет да и проскальзывали кислые нотки.

Родной папа, крёстный папа. Одно слово разницы, а какое разное отношение. Видимо, всё дело в том, что он не может видаться с малышом каждый день, и их связь не так крепка, как у Линь Сыняня.

Маленький ребёнок, конечно, не мог слышать фальши в голосе взрослого через телефон. Фэйфэй, которого сегодня так много хвалили, и сам начал верить: «А может, моя картина и правда получилась немного красивой?»

И он застенчиво пригласил Ли Сюя по телефону:

— Фэйфэй и крёстного нарисовал. Крёстный сейчас на работе? Ты не занят?

Не успел малыш договорить, как Ли Сюй встрепенулся.

— Не на работе! Не занят! Крёстный уже едет!

Он так и знал, что малыш не мог обойти его вниманием. Крёстный папа — это тоже папа.

Закончив разговор, Ли Сюй уже спускался на подземную парковку своей компании.

Словно по воле судьбы, он снова столкнулся там с генеральным директором «Звёздных развлечений» Се Юянем, своим непосредственным начальником.

Се Юянь нахмурился. В последнее время энтузиазм Ли Сюя к работе заметно поубавился, что

не могло не вызывать недовольства. Это был уже третий раз, когда он заставлял его уходящим с работы раньше времени.

— Ли Сюй, если ты и дальше будешь в том же духе, я лишу тебя месячной премии, — предупредил Се Юянь.

— Лишай, — безразлично ответил Ли Сюй. У него было прекрасное настроение, и какая-то премия его не волновала.

Се Юянь опешил.

— Ты не считаешь, что в последнее время у тебя проблемы с отношением к работе? Посмотри, который час, а ты уже уходишь. Всего шесть вечера!

Ли Сюй, не имея возможности выехать из-за перегородившего дорогу Се Юяня, раздражённо остановился и начал объяснять:

— А ты не в курсе, что рабочий день в компании официально заканчивается в шесть? Раньше я уходил позже, потому что перерабатывал. И я не требовал за это сверхурочных, считай, сэкономил деньги компании. А теперь я не хочу больше перерабатывать, ясно?

Только после слов Ли Сюя Се Юянь вспомнил, что так оно и есть. Просто Ли Сюй всегда был таким трудоголиком, что засиживаться допоздна, а то и ночевать в офисе было для него нормой. И теперь, когда он начал уходить вовремя, это казалось странным и неправильным.

Не в силах переспорить Ли Сюя, который как менеджер владел словом мастерски, Се Юянь неловко сменил тему:

— Я вообще-то хотел с тобой посоветоваться. Ты же знаешь, в последние годы у нас туго с новыми талантами. Одна наша опора ушла на покой, Лань Синцзэ хоть и второго эшелона, но тоже был важной частью компании. Ушли двое. Если мы не найдём им замену, можешь себе представить, как будут выглядеть наши финансовые отчёты в следующем году.

— И что?

— И вот что. — Се Юянь достал свой телефон, открыл фотоальбом и показал Ли Сюю снимок, который он случайно увидел на камерах наблюдения и сохранил. — Как тебе эти двое?

Ли Сюй с первого взгляда узнал на фото Чу Сяоханя и Фэйфэя.

Теперь он наконец понял, зачем Се Юянь остановил его. Но он не стал раздумывать и сразу же отказался:

— Невозможно. Я помню, что уже чётко говорил тебе: я против того, чтобы делать ставку на детей-звёзд.

В шоу-бизнесе у детей было одно огромное преимущество перед взрослыми: взрослые играли радость для зрителей, а дети радовались по-настоящему.

Искренность и фальшь — если ты не гениальный актёр, способный обмануть публику, то любому будет очевидно, что трогает сильнее.

Но шоу-бизнес — не место для детей. Напряжённая работа, бесконечные съёмки, даже восторженные поклонники — всё это отнимало у них детство.

Дети-звёзды в этой индустрии были расходным материалом. Не успев сформировать свои ценности, не научившись справляться с эмоциями, они под давлением фанатов и алчности компаний слишком рано погружались во взрослый мир. А когда наступал переходный период, и они обнаруживали, что больше не могут радоваться сами и радовать других, всё рушилось.

Фанаты уходили, компания переключала внимание на других. Такой контраст для некоторых детей, находящихся в самом трудном периоде своей жизни, мог стать фатальным.

Однако нельзя было отрицать, что дети-звёзды приносили огромные деньги. Когда недавно стало известно, сколько родители Лян Ханьюя должны были вернуть своему сыну, все ахнули. Это была не курица, несущая золотые яйца, это был маленький золотой истукан!

Деньги кружили головы.

Крупные развлекательные компании одна за другой загорелись идеей возвращать собственных детей-звёзд.

Се Юянь не был исключением.

Когда он случайно увидел на камерах наблюдения Чу Сяоханя и Фэйфэя, особенно Фэйфэя, он сразу понял: это самородок, даже лучше, чем Лян Ханюй!

Он готов был поклясться своими глазами, видевшими бесчисленное количество актёров, звёзд и детей-звёзд: этому ребёнку, стоило ему только войти в шоу-бизнес, даже не потребовалась бы раскрутка. Он стал бы знаменитым, просто появившись на сцене.

Есть такие дети, которые от природы вызывают у людей желание защищать и любить.

Несмотря на отказ, Се Юянь не сдавался.

— Этих детей привёл ты, значит, ты должен знать, из какой они семьи. Дай мне контакты их родителей, я сам с ними поговорю. Особенно вот этого, — он указал на Фэйфэя. — Его родителей контакты ты мне дать просто обязан.

Даже на случайном снимке с камеры наблюдения малыш выглядел невероятно мило.

А в тот день, когда он, беспокоясь за отца, надул губки, с покрасневшими глазами послушно обнял Ли Сюя за шею... кто из взрослых устоит перед таким? Хотелось тут же забрать его у Ли Сюя, утешить, успокоить. Лишь бы малыш не плакал, ему готовы были отдать всё, что угодно.

Именно потому, что Се Юянь уловил эту свою мгновенную реакцию при просмотре видео, он был так уверен, что этот малыш, попади он в шоу-бизнес, непременно станет звездой.

Услышав слова Се Юяня, Ли Сюй сначала удивился, а потом всё понял. Се Юянь, скорее всего, видел только запись с камеры на первом этаже. Запись из коридора у комнаты отдыха Линь Сыняня он позже удалил, чтобы никто не смог использовать дату смерти Лань Синцзэ в своих целях.

К тому же, новость о «незаконнорожденном сыне Линь Сыняня» он пресёк на корню, так что до генерального директора она не дошла.

Поэтому Се Юянь, вероятно, до сих пор не знал, что Фэйфэй — сын Линь Сыняня.

И это было хорошо.

Поняв это, Ли Сюй больше не стал тратить время на споры. Он обошёл Се Юяня, открыл дверь машины и сел за руль.

Перед тем как тронуться, он опустил стекло и сказал:

— С родителями говорить не нужно. Я — крёстный отец этого ребёнка. И я тебе сейчас говорю: я не согласен. Не говоря уже о его родном отце, у меня и самого достаточно денег, чтобы его обеспечить. Так что даже не думай об этом!

Сказав это, он, то ли нарочно, то ли случайно, газанул так, что Се Юяня окутало облако выхлопных газов.

Тем временем Чжан Хэнжуй, вернувшись домой, после ужина лежал на диване и рассматривал на свету конфету, которую ему дал Фэйфэй.

Маленький Сяоху считал, что эта конфета очень красивая, особенно прозрачная обёртка, которая на свету переливалась всеми цветами радуги. В прошлый раз он уже отдал одну конфету папе, но тот так быстро её съел, что он даже не успел её как следует рассмотреть.

На этот раз Чжан Сяоху твёрдо решил: он не позволит папе снова отобрать у него конфету!

Как раз в этот момент подошёл его отец, Чжан Му, с улыбкой, которая показалась Чжан Сяоху немного подозрительной.

— Сяоху, — с улыбкой сказал Чжан Му, — откуда у тебя эта конфетка? Та, что с прошлого раза осталась?

— Конфету мне сегодня в садике дал Фэйфэй, — настороженно ответил Чжан Сяоху. — Мои конфеты вы в прошлый раз все съели! — в его голосе всё ещё слышалась обида.

На лице Чжан Му появилась заискивающая улыбка.

— Друг из садика дал, да? Сяоху, а не мог бы ты дать папе попробовать? Половинку, всего лишь половинку. Папа так устал на работе в последнее время. Если бы сейчас родной сын дал ему попробовать половинку конфеты, было бы так хорошо...

Договорив, он заметил, что Чжан Сяоху колеблется, и продолжил со вздохом:

— Эх, ну если Сяоху не хочет делиться, ничего страшного. Папа пошёл работать, — его голос звучал очень расстроено.

Наверное, все родители, выпрашивающие что-то у своих детей, в конце концов добиваются своего. В итоге Чжан Му всё-таки получил свою половину конфеты.

Прошло секунд двадцать после того, как он её съел. Выражение лица Чжан Му было непередаваемо сложным.

«Что это за сорт обманщика такой? — думал он. — Обещал же, что у него нервный срыв и ему нужен отдых на полгода. А сам так быстро пришёл в себя?»